

Р.М. Зиганьшин*

**Слабость, мягкость и уступчивость
в трактате *Дао дэ цзин***

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена таким даосским категориям как слабость, мягкость и уступчивость, которые являются главным средством достижения успеха в делах государственного управления, а также в военном и боевом искусстве. Как добродетели, они нашли также своё продолжение и в конфуцианстве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: слабость; мягкость; уступчивость; Дао; государственное управление; боевое искусство.

Жизнь человека с древнейших времён проходит в постоянной борьбе, в противостоянии кому-то или чему-то. Мы всё время противодействуем: людям, явлениям, обстоятельствам; боремся с собой, своими недостатками и пороками. При этом слабость, мягкость и уступчивость проявляют, как правило, люди слабые и мягкие — они нередко не уверены в себе, сломлены обстоятельствами или другими людьми, что заставляет их быть уступчивыми. Такова наша обыденная житейская мудрость. Тем страннее слышать о слабости, мягкости и уступчивости как главном принципе жизни и способе достижения своих целей. А именно это отражено в даосском трактате *Дао дэ цзин*, авторитет которого всегда был очень высок далеко не только у даосов, а в настоящее время далеко не только в Китае.

Слабость и мягкость

Для чего же надо проявлять эти самые качества согласно *Дао дэ цзину*? Как это не парадоксально для европейского сознания, но именно для успешного преодоления жизненных ситуаций, включая действия

* Зиганьшин Ринат Махмутович, кандидат философских наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Россия, Москва. [E-mail: rinatzigan@mail.ru](mailto:rinatzigan@mail.ru)

врагов, обстоятельства и пр. — иными словами, для успеха в борьбе и достижения своих целей. Древний трактат полагал такой путь гораздо более эффективным, чем достижение чего-либо силой и настойчивостью. Более того, такие понятия как «слабость» и «недеяние» здесь возведены, как средство и метод, в высшую ценность.

«В Поднебесной самые слабые побеждают самых сильных. Небытие проникает везде и всюду. Вот почему я знаю пользу от недеяния. В Поднебесной нет ничего, что можно было бы сравнить с учением, не прибегающим к словам, и пользой от недеяния» [Дао дэ цзин, § 43]¹.

«Видение мельчайшего называется зоркостью. Сохранение слабости называется могуществом. Следовать сиянию [*dao*], постигать его глубочайший смысл, не навлекать [на людей] несчастья — это и есть соблюдение постоянства» [Дао дэ цзин, § 52].

Что означает «сохранять слабость»? И почему умение делать это называется в трактате «могуществом»? Ответ на это мы найдём в следующих частях трактата:

«...сильные и жестокие не умирают своей смертью» [Дао дэ цзин, § 42].

«Человек при своём рождении нежен и слаб, а при наступлении смерти твёрд и крепок. Все существа и растения при своём рождении нежные и слабые, а при гибели сухие и гнилые. Твёрдое и крепкое — это то, что погибает. А нежное и слабое — это то, что начинает жить. Поэтому могущественное войско не побеждает и крепкое дерево гибнет. Сильное и могущественное не имеет того преимущества, какое имеет нежное и слабое» [Дао дэ цзин, § 76].

Сохранять тот потенциал, который заложен в начале, при рождении вещей и явлений. Уметь не терять его по истечении долгого времени, тем самым сохраняться самому и сохранять нужные тебе явления — это действительно высшее могущество! На первый взгляд мы усмотрим здесь попытку противодействия естественному ходу вещей. Всё на свете рождается, живёт, а затем неизбежно умирает, чтобы своей смертью освободить дорогу рождающимся вещам или даже стать условием их рождения. Вечно живёт только Дао, порождающее все вещи и явления. Уметь сохранять слабость, таким образом, это ни много, ни мало — уподобиться Дао, стать этим самым выше обычных вещей и явлений, то есть достичь просветления и высшего могущества!

¹ Здесь и далее цитаты из *Дао дэ цзина* даны в переводе Ян Хин-шуна по изданию: Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. I. М.: «Мысль», 1972.

Если в борьбе и в жизни вообще необходимо обрести для себя слабость, как один из высших принципов самосовершенствования и всепреодоления, то врагов и нежелательные явления, напротив, нужно прежде укрепить. Т.е. действие необходимо начинать со своей противоположности, что весьма характерно для китайской традиции:

«Чтобы нечто сжать, необходимо прежде расширить его. Чтобы нечто ослабить, нужно прежде укрепить его. Чтобы нечто уничтожить, необходимо прежде дать ему расцвести. Чтобы нечто у кого-то отнять, нужно прежде дать ему. Это называется глубокой истиной. Мягкое и слабое побеждает твёрдое и сильное. Как рыба не может покинуть глубину, так и государство не должно выставлять напоказ людям свои совершенные методы [управления]» [Дао дэ цзин, § 36].

Все обычные вещи и явления с чем-то борются и чему-то противостоят. Не делают это только, если так можно выразиться, «сверх-вещи» и «сверх-явления». Их трудно увидеть и, тем более, трудно познать. Часто они выступают некими медиаторами между Дао и обычными вещами. Простому смертному Дао практически непостижимо, неосвязаемо, но существует в природе нечто, по мнению Лао-цзы, подобное Дао:

«Высшая добродетель подобна воде. Вода приносит пользу всем существам и не борется [с ними]. Она находится там, где люди не желали бы быть. Поэтому она похожа на *дао*. [Человек, обладающий высшей добродетелью так же, как и вода], должен селиться ближе к земле; его сердце должно следовать внутренним побуждениям; в отношениях с людьми он должен быть дружелюбным; в словах должен быть искренним; в управлении [страной] должен быть последовательным; в делах должен исходить из возможностей; в действиях должен учитывать время. Поскольку [он], так же как и вода, не борется с вещами, [он] не совершает ошибок» [Дао дэ цзин, § 8].

«Вода — это самое мягкое и самое слабое существо в мире, но в преодолении твёрдого и крепкого она непобедима, и на свете нет ей равного. Слабые побеждают сильных, мягкое преодолевает твёрдое...» [Дао дэ цзин, § 78].

Вода, таким образом, — само олицетворение мягкости и уступчивости, и именно благодаря этому она подобна Дао и непобедима. Вода — вещь для людей крайне необходимая, обыденная и повседневная, что не мешает ей по своим свойствам быть непостижимой и исключительной по сравнению с другими вещами. Здесь мы подходим к тому, что слабость, мягкость, недеяние, помимо всего прочего, способствуют, я бы выразился, принципу экономии энергии, которую неразумно растрчивать:

«Нужно меньше говорить, следовать естественности. Быстрый ветер не продолжается всё утро, сильный дождь не продержится весь день. Кто делает всё это? Небо и земля. Даже небо и земля не могут сделать что-либо долговечным, тем более человек...» [Дао дэ цзин, § 23].

«Кто поднялся на цыпочки, не может [долго] стоять. Кто делает большие шаги, не может [долго] идти. Кто сам себя выставляет на свет, тот не блестит. Кто сам себя восхваляет, тот не добудет славы. Кто нападает, не достигает успеха. Кто сам себя возвышает, не может стать старшим среди других. Если исходить из *дао*, всё это называется лишним желанием и бесполезным поведением. Таких ненавидят все существа. Поэтому человек, обладающий *дао*, не делает этого» [Дао дэ цзин, § 24].

Таким образом, это помогает избегать многих ошибок, к которым неизбежно приведут бахвальство, чванство и т.д. И здесь наверно не совсем уместно ироничное высказывание: «Не ошибается тот, кто ничего не делает».

Уступчивость

Слабость и мягкость тесно связаны с принципами недеяния и уступчивости:

«Лучше ничего не делать, чем стремиться к тому, чтобы что-либо наполнить. Если [чем-либо] острым [всё время] пользоваться, оно не сможет долго сохранить свою [остроту]. Если зал наполнен золотом и яшмой, то никто не в силах их уберечь. Если богатые и знатные проявляют кичливость, они сами привлекают на себя беду. Когда дело завершено, человек [должен] устраниваться. В этом закон небесного *дао*» [Дао дэ цзин, § 9].

Человек должен устраниваться после завершения дела — Лао-цзы видит в этом проявление Высшего закона (Дао). Мы опять наблюдаем в основе всего этого принцип уступчивости. Как только простому смертному узнать, что дело завершено (его миссия выполнена) и ему пора устраниваться? И что понимается под последним — устраниваться именно только от этого дела или вообще покинуть земной мир? Может быть на этот вопрос отвечает следующая мысль трактата, о том, что один из принципов достижения долголетия — жить не для себя? Это лежит, по-моему, в основе уступчивости:

«Небо и земля — долговечны. Небо и земля долговечны потому, что они существуют не для себя. Вот почему они могут быть долговечными. Поэтому совершенномудрый ставит себя позади других, благодаря чему он оказывается впереди. Он небрегает своей жизнью, и тем самым его жизнь сохраняется.

Не происходит ли это от того, что он пренебрегает личными [интересами]? Напротив, [он действует] согласно своим личным [интересам]» [Дао дэ цзин, § 7].

Таким образом, здесь мы наблюдаем парадокс — живя не для себя, человек продлевает свою собственную жизнь. Именно таким является, по моему мнению, даосский идеал правителя:

«Кто, зная свою храбрость, сохраняет скромность, тот [подобно] горному ручью становится [главным] в стране. Кто стал главным в стране, тот не покидает постоянное дэ и возвращается к состоянию младенца. Кто, зная праздничное, сохраняет для себя будничное, тот становится примером для всех. Кто стал примером для всех, тот не отрывается от постоянного дэ и возвращается к изначальному. Кто, зная свою славу, сохраняет для себя безвестность, тот становится главным в стране, тот достигает совершенства в постоянном дэ и возвращается к естественности. Когда естественность распадается, она превращается в средство, при помощи которого совершенномудрый становится вождём и великий порядок не разрушается» [Дао дэ цзин, § 28].

В этой связи вполне логично и естественно звучит следующая мысль:

«Лучший правитель тот, о котором народ знает лишь то, что он существует. Несколько хуже те правители, которые требуют от народа его любить и возвышать. Ещё хуже те правители, которых народ боится, и хуже всех те правители, которых народ презирает...» [Дао дэ цзин, § 17].

Уступчивость, то, что он не смеет быть впереди других, Лао-цзы называет одним из трёх сокровищ, которыми обладает и благодаря чему он может стать «умным вождём»:

«Я имею три сокровища, которыми дорожу: первое — это человеколюбие, второе — бережливость, а третье состоит в том, что я не смею быть впереди других. Я человеколюбив, поэтому могу стать храбрым. Я бережлив, поэтому могу быть щедрым. Я не смею быть впереди других, поэтому могу стать умным вождём. Кто храбр без человеколюбия, щедр без бережливости, находясь впереди, отталкивает тех, кто находится позади, — тот погибает. Кто ведёт войну человеколюбиво, побеждает, и возведённая им оборона неприступна. Небо его спасает, человеколюбие охраняет» [Дао дэ цзин, § 67].

Этому же, пожалуй, главному в управлении принципу уступчивости посвящена значительная часть трактата. Можно, например, также привести такие отрывки:

«Реки и моря потому могут властвовать над равнинами, что они способны стекать вниз. Поэтому они властвуют над равнинами. Когда [совершенномудрый] желает возвыситься над народом, он должен ставить себя ниже других. Когда он желает быть впереди людей, он должен ставить себя позади других. Поэтому хотя он и стоит над народом, но народу он не в тягость; хотя он находится впереди, народ ему не вредит. Поэтому люди с радостью его выдвигают и от него не отворачиваются. Он не борется, благодаря чему он в мире непобедим» [Дао дэ цзин, § 66].

«Совершенномудрый исходит не только из того, что сам видит, поэтому может видеть ясно; он не считает правым только себя, поэтому может обладать истиной; он не прославляет себя, поэтому имеет заслуженную славу; он не возвышает себя, поэтому он старший среди других. Он ничему не противоборствует, поэтому он непобедим в Поднебесной» [Дао дэ цзин, § 22; см. также: §§ 34, 72].

Уступчивость, согласно Лао-цзы, необходима не только правителю, но и полководцу в его военном деле, где, казалось бы, необходимо проявлять самые противоположные качества:

«Военное искусство гласит: я не смею первым начинать, я должен ожидать. Я не смею наступать хотя бы на вершок вперед, а отступаю на аршин назад. Это называется действием посредством недеяния, ударом без усилия. В этом случае не будет врага, и я могу обходиться без солдат. Нет беды тяжелее, чем недооценивать противника. Недооценка противника повредит моему сокровенному средству [дао]. В результате сражений те, кто скорбит, одерживают победу» [Дао дэ цзин, § 69].

Более того, принцип уступчивости очень свойственен и боевым искусствам, где, как и в военном искусстве, он является средством достижения победы над противником. Японский врач Акаяма Сиробеи (XVII в.), наблюдая как толстые ветви деревьев ломаются под тяжестью снега, а тонкие, прогибаясь, тем самым скидывают этот снег с себя, вывел такой принцип: «поддаться, чтобы победить». Он создал собственную школу джиу-джитсу (дзю-дзюцу), где принцип гибкости, которая побеждает силу, воплотил в боевые приёмы.

Военное и боевое искусство

Окинавское каратэ, как известно, зародилось среди местного крестьянства, которому японские самураи под страхом смерти запретили носить оружие и они были вынуждены носить это оружие в «пустых руках» — именно так, по наиболее распространённому мнению,

переводится слово *каратэ*. Но менее известно, что некий прообраз *айкидо* зародился именно среди самураев как ответ на жёсткий и жестокий стиль борьбы окинавских крестьян. По крайней мере, есть такая версия. Все самураи были вооружены мечами, но не каждый считал для себя достойным по любому поводу оголять свой меч перед низшей кастой и, кроме того, иногда было целесообразно оставлять соперника в живых. Многие современные приёмы *айкидо* построены именно как «мягкое» противопоставление жёсткой и жестокой атаке каратиста. Причём это «мягкое» противопоставление может быть не менее, а даже более жестоким и беспощадным, чем «жёсткое». Это в зависимости от целей, которые себе ставит «мягкий» боец, только он имеет больше возможностей и умения предотвратить столкновение или свести кровопролитие к минимуму. Каратисты же в свою очередь, всё более продвигаясь к вершинам мастерства своей школы, как правило, всё больше уделяют внимание элементам *айкидо*. Становится более понятной древняя даосская формула: «слабое побеждает сильное, мягкое одолевает жёсткое». «Жёсткое» в наивысшей фазе своего развития становится «мягким». Японские боевые искусства здесь приведены как пример, которые многие исследователи считают неким продолжением, самобытным развитием и интерпретацией китайских боевых искусств.

Как же практически применяется принцип мягкости и уступчивости в боевых искусствах? Какова прикладная методология, связанная с ними? Попробую ответить на этот вопрос. Любая атака таит в себе много опасностей для самого нападающего, при атаке сразу выступают наружу его уязвимые места, он становится менее защищённым — появляется возможность у соперника его контратаковать, то есть использовать его же стремление атаковать, превратив его в своего союзника. На этом и основаны практически все контрприёмы в спортивных единоборствах. У контратакующего появляются, в свою очередь, свои уязвимые места и, возможно, атака была ложной, предпринятой лишь для того, чтобы заставить соперника раскрыться. Варианты здесь бесконечны — нам важен сам принцип. В этом свете основное правило практически всех школ восточных единоборств: «Никогда не нападай первым!» приобретает иной смысл — из гуманного оно становится правилом хитрого коварного расчёта [2, с. 60, 61]. Обретение мягкости является одним из неперенных условий достижения совершенства в *ушу* [там же, с. 62]. И путь к «мягкости» там лежит через «жёсткость» [там же, с. 14, 110] — т.е. опять через свою противоположность, как и многое иное в китайской традиции.

То же можно сказать про мягкость и уступчивость в военном искусстве, где у атакующей армии сразу становятся очевидными

уязвимые места. Атака или наступление могут быть спровоцированы «разведкой боем» или ложной атакой именно для того, чтобы выявить недостатки противника и/или заманить его в ловушку. Наблюдая выявленные уязвимые места, искусный полководец армии противника может быстро принимать решения, вводя нужные коррективы и обращать тем самым исход боя в свою пользу. Т.е. он принимает свои решения в зависимости от действий противника, что принимает некую форму взаимного сотрудничества противоборствующих армий. Согласно Сунь-цзы:

«Форма у войска подобна воде: форма у воды — избегать высоты и стремиться вниз; форма у войска — избегать полноты и ударять по пустоте. Вода устанавливает своё течение в зависимости от места; войско устанавливает свою победу в зависимости от противника. Поэтому у войска нет неизменной мощи, у воды нет неизменной формы. Кто умеет в зависимости от противника владеть изменениями и превращениями и одерживать победу, тот называется божеством» [3, с. 33].

Сунь-цзы так понимает основные и главные принципы ведения войны:

«Война — это путь обмана. Поэтому, если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой; приведи его в расстройство и бери его; если у него всё полно, будь наготове; если он силён, уклоняйся от него; вызвав в нём гнев, приведи его в состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в нём сомнение; если его силы свежи, утоми его; если у него дружны, разъедини; нападай на него, когда он не готов; выступай, когда он не ожидает» [3, с. 27].

Согласно Сунь-цзы и всей китайской военной традиции, главный принцип китайской стратегии — достижение политических целей преимущественно невоенными методами:

«Самая лучшая война — разбить замыслы противника; на следующем месте — разбить его союзы; на следующем месте — разбить его войска. Самое худшее — осадить крепости» [3, с. 28].

«Тот, кто умеет вести войну, покоряет чужую армию, не сражаясь; берёт чужие крепости, не осаждая; сокрушает чужое государство, не держа своё войско долго. Он обязательно сохраняет всё в целости и этим оспаривает власть в Поднебесной» [3, с. 29].

Управление государством

Исключительно слабостью и мягкостью и можно стать истинным властелином государства, а действие силой в этом даже препятствует:

«Если кто-нибудь силой пытается овладеть страной, то, вижу я, он не достигает своей цели. Страна подобна таинственному сосуду, к которому нельзя прикоснуться. Если кто-нибудь тронет [его], то потерпит неудачу. Если кто-нибудь схватит [его], то его потеряет...» [Дао дэ цзин, § 29].

Государство в Китае всегда было в высшей степени сакрализовано, как и власть императора и государственная служба вообще. «Прикасаться» к нему мог только «сын Неба», получивший на это от Неба же соответствующий «мандат». То же касается и завоевания других государств:

«Кто служит главе народа посредством *дао*, не покоряет другие страны при помощи войск, ибо это может обратиться против него. Где побывали войска, там растут терновник и колючки. После больших войн наступают голодные годы. Искусный [полководец] побеждает и на этом останавливается, и он не осмеливается осуществлять насилие. Он побеждает и себя не прославляет. Он побеждает и не нападает. Он побеждает и не гордится. Он побеждает потому, что к этому его вынуждают. Он побеждает, но он не воинствен. Когда существо, полное сил, становится старым, то это называется [отсутствием] *дао*. Кто не соблюдает *дао*, погибнет раньше времени» [Дао дэ цзин, § 30].

«Хорошее войско — средство, [порождающее] несчастье, его ненавидят все существа. Поэтому человек, следующий *дао*, его не употребляет. Благородный [правитель] во время мира предпочитает быть уступчивым [в отношении соседних стран] и лишь на войне применяет насилие. Войско — орудие несчастья, поэтому благородный [правитель] не стремится использовать его, он применяет его, только когда его к этому вынуждают...» [Дао дэ цзин, § 31].

Принцип уступчивости имеет также и важное геополитическое значение. Именно таким способом и можно стать истинно *Чжунго* «Срединным государством», мягко (а значит по-настоящему) покорив другие страны:

«Великое царство — это низовье реки, узел Поднебесной, самка Поднебесной. Самка всегда невозмутимостью одолевает самца, а по своей невозмутимости [она] стоит ниже [самца]. Поэтому великое царство располагает к себе маленькое тем, ставит себя ниже последнего, а маленькое царство завоёвывает

симпатию великого царства тем, что стоит ниже последнего. Поэтому располагают к себе либо тем, что ставят себя ниже, либо тем, что сами по себе ниже. Пусть великое царство будет желать не больше того, чтобы все одинаково были накормлены, а малое царство пусть будет желать не больше того, чего они желают. Великому полагается быть внизу» [Дао дэ цзин, § 61].

Мягкости и уступчивости Лао-цзы требует не только от правителей и полководцев, но и от простого населения:

«Когда будут устранены мудрствование и учёность, народ будет счастливее во сто крат; когда будут устранены человеколюбие и „справедливость“, народ возвратится к сыновней почтительности и отцовской любви; когда будут уничтожены хитрость и нажива, исчезнут воры и разбойники. Все эти три вещи [происходят] от недостатка знаний. Поэтому нужно указывать людям, что они должны быть простыми и скромными, уменьшать личные [желания] и освобождаться от страстей» [Дао дэ цзин, § 19].

Именно тогда они могут стать хорошими подданными, и тогда между правителем и подданными возникнет гармония, и тогда можно будет сказать, что правитель и подданные «взаимно обрели друг друга». Каким именно будет народ, во многом, зависит от правителя, от его личных качеств и проводимой им политики:

«Страна управляется справедливостью, война ведётся хитростью. Поднебесную получают во владение, посредством недеяния. Откуда я знаю всё это? Вот откуда: когда в стране много запретительных законов, народ становится бедным. Когда у народа много острого оружия, в стране увеличиваются смуты. Когда много искусных мастеров, умножаются редкие предметы. Когда растут законы и приказы, увеличивается число воров и разбойников. Поэтому совершенномудрый говорит: „Если я не действую, народ будет находиться в самоизменении; если я спокоен, народ сам будет исправляться. Если я пассивен, народ сам становится богатым, если я не имею страстей, народ становится простодушным“» [Дао дэ цзин, § 57].

В главе 10-й трактата Лао-цзы как бы резюмирует необходимые человеку качества и условия, при помощи которых только и можно достичь высшего могущества и гармонии:

«Если душа и тело будут в единстве, можно ли сохранить его? Если сделать дух мягким, можно ли стать [бесстрастным] подобно новорожденному? Если созерцание станет чистым, возможны ли тогда заблуждения? Можно ли любить народ и управлять страной, не прибегая к мудрости? Возможны ли

превращения в природе, если следовать мягкости? Возможно ли осуществление недеяния, если познать все взаимоотношения в природе? Создавать и воспитывать [сущее]; создавая, не обладать [тем, что создано]; приводя в движение, не прилагать к этому усилий; руководя, не считать себя властелином — вот что называется глубочайшим дэ» [Дао дэ цзин, § 10].

Многие идеалы и принципы Лао-цзы мы можем встретить также в конфуцианстве и в, частности, в лице основателя этого учения — Конфуция:

«Учитель был мягок, но строг; внушителен, но не зол; почтителен, но сдержан» [Лунь юй, VII, 37]².

Мягкость, уступчивость и многие другие качества Конфуций тесно связывает с управлением государством, что, естественно, было для него высшим приоритетом:

«Учитель был мягок, доброжелателен, учтив, бережлив, уступчив и благодаря этому узнавал [об управлении]. Он добивался этого не так, как другие» [Лунь юй, I, 10].

«Учитель сказал: „Можно ли управлять [государством] с помощью уступчивости? Какая в том трудность? Если с помощью уступчивости нельзя управлять государством, то что это за ритуал?“» [Лунь юй, IV, 13].

Высший же идеал правителя по Конфуцию, по моему мнению, — это достигнуть высшего совершенства в недеянии, уступчивости, мягкости. Именно тогда правитель станет подобным Полярной звезде, которая сама неподвижна, казалось бы, ничего не делает, но вокруг которой двигаются все звёзды:

«Учитель сказал: „Правящий с помощью добродетели подобен полярной звезде, которая занимает своё место в окружении созвездий“» [Лунь юй, II, 1].

В современном мире мы можем наблюдать, что для того, чтобы стать сверхдержавой и занять ведущее положение в мире среди других сверхдержав, государству недостаточно иметь мощную армию и ядерное оружие. Они, как известно, не спасли СССР от развала. Для этого необходимо обладать также мягкостью, тем, что так и называют: «мягкой силой» (soft power). Думаю, про такую мягкость в политической сфере также писали более 2500 лет назад Лао-цзы и Сунь-цзы, и что имел в виду Конфуций. Но она имеет у них более созидательный и гармонизирующий характер. По крайней мере,

² Здесь и далее цитаты из *Лунь юй* даны в переводе В.А. Кривцова по изданию: Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. I. М.: «Мысль», 1972.

мягкость у них не имеет такие зачастую разрушительные свойства и не чревата потрясениями, которые мы наблюдаем в последнее время на международной арене. Здесь также мягкое преодолевает жёсткое, оно гораздо более мощное и опасное оружие и потенциально может нести в себе более жестокие последствия. Поскольку, как видим, оно не решает проблемы, а, напротив, порождает новые конфликты и противоречия, которые в результате подобных действий мировых игроков увеличиваются как снежный ком.

Литература

1. Дао дэ цзин // Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. I. М.: «Мысль», 1972. С. 114–138.
2. *Зиганшин Р.М.* Духовно-религиозные основы боевых искусств традиционного Китая. Дисс... канд. филос. наук. М., 1996.
3. *Конрад Н.И.* Избранные труды. Синология. М.: Главная редакция восточной литературы, 1977.

*R.M. Ziganshin**

Weakness, softness and pliability in treatise “Tao Te Ching”

ABSTRACT

The article deals with such Taoist categories as weakness, softness and pliability, which are the main means of achieving success in the affairs of government, as well as in the military and martial arts. As a virtue, they found also continued in Confucianism.

KEYWORDS

Weakness; softness; pliability; Tao; government; art of war; martial arts.

* Ziganshin Rinat Makhmutovich, PhD, researcher of the Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia. [E-mail: rinatzigan@mail.ru](mailto:rinatzigan@mail.ru)